

Теперь, когда все изнурительные дневные занятия и дневное классное собрание были закончены, Кан Чан хотел как можно скорее пойти домой.

Он собирался покинуть класс, когда Ким Ми-ён позвала его.

"Подожди меня".

Другие ученики наблюдали за ними. Если бы он грубо обошелся с ней у всех на глазах, Ким Ми-ён больше никогда бы к нему не подошла. Но внимание других студентов было не единственной причиной, по которой Кан Чан не сделал этого.

Несмотря на то что Ким Ми-ён чувствовала себя с ним непринужденно, он начал ощущать, как расстояние между ними сокращается. Конечно, это не было так уж важно, но он не хотел иметь над ней превосходство в присутствии этих учеников.

"Поспеши, пойдем".

Как только он согласился уйти из школы вместе с ней, лицо Ким Ми-ён засияло, и атмосфера в классе резко изменилась. Он все равно не собирался посещать занятия со следующей недели, поэтому решил, что на этом можно и закончить.

Но настроение Кан Чана мгновенно испортилось, когда он вышел через заднюю дверь. Там была Ын Силь и трое ее никчемных приспешников. Кан Чан успокоился и посмотрел на Ын Силь. На ее лице, шее, руках и чуть ниже юбки были темные кровоподтеки.

"Дай мне пару минут".

Она явно боялась. Это было ясно из того факта, что она постоянно смотрела на правую руку Кан Чана. Но что было важнее, чем ее страх перед ним?

Кан Чан сначала взглянул на Белоснежку.

"Подождать тебя в классе?"

"Тебе не нужно ехать в центр развития?"

"Да".

Она была недалекой и не имеющей уважения к самой себе.

"Она могла бы влюбиться в меня?"

Ким Ми-ён вернулась в класс, выглядя одновременно взволнованной и немного ревнивой.

"Пойдем на крышу".

Кан Чан ухмыльнулся.

"Нет, это на самом деле не то, что ты думаешь".

"Не важно, что это, но если это чушь, то здесь же и закончится".

Кан Чан наблюдал, как Ын Силь энергично качает головой, а затем последовал за ней по лестнице. Три бесполезных прихвостня остановились перед лестницей, как верные псы. На

крыше было так желюдно, как и прежде, но ученики, кутившие повсюду, тут же выбежали.

"Я Хо Ын Силь".

Хо Ын Силь стояла у перил с видом на поле, и первое, что она заявила, было ее имя. Хотя почему она не была в бейдже?

"Не сердись и послушай, что я хочу сказать. Я действительно не пытаюсь тебя разозлить".

"Ладно, перейди к делу".

Хо Ын Силь глубоко вздохнула и с большим трудом заговорила.

"Те парни со вчера... сказали мне привести тебя к ним".

Хо Ын Силь быстро посмотрела на правую руку Кан Чана.

"Если бы я этого не сделала, они бы не оставили Хо-джуна и меня в покое..."

По ее лицу, все еще покрытому макияжем, покатились слезы.

"Они сказали, что продадут меня. Они вполне способны на такое".

Она выглядела абсолютно напуганной и оцепеневшей.

"Заяви на них в полицию".

Хо Ын Силь растерялась, услышав предложение Кан Чана.

"Когда вы с Хо-джуном издевались над другими учениками, вы разве не рассчитывали, что те отморозки вас поддержат? Вы когда-нибудь задумывались о чувствах тех учеников, которых вы травили? Вы хотя бы раз думали о чувствах того парня, который выпрыгнул из здания? Прекрати эту чушь. Неважно, продашь ли ты свое тело или тебя изобьют, вы сами должны с этим разобраться".

Хо Ын Силь казалась отчаявшейся. У его подчиненных обычно было такое же выражение лиц, когда они оказывались в полном окружении противника. Она надеялась, что он что-нибудь с этим сделает или даст ей решение ее проблемы.

"Если я не приведу тебя к ним в течение дня... сегодня же мне придется столкнуться с ними лицом к лицу".

Кан Чан ухмыльнулся.

Что за чушь?

Женщин, которые в конечном итоге оказались в руках суннитов, бросили на растерзание примерно пятидесяти мужчинам, им отрезали носы и уши, а затем повесили на дерево под предлогом совершения смертного греха сексуального возбуждения мужчин.

"Пожалуйста, помоги мне. Я умоляю тебя. Сделаю всё, что ты скажешь, если поможешь", — просила Хео Ын-Силь, сжав руки и умоляя Кан Чана.

"В любое время, как скажешь, и с кем попросишь. Только не давай им продать меня. Я умру,

если они отправят меня на остров. Пожалуйста".

Вот что случается, когда человек в ужасе от насилия. Они горят желанием сбежать прямо сейчас и сделают всё возможное, чтобы спастись, не подозревая, что их ждёт что-то ещё более ужасное.

Хео Ын-Силь посмотрела на холодные глаза Кан Чана и без сил опустилась. Если так пойдёт и дальше, на 70% она прыгнет с крыши.

Бывали случаи, когда новобранцы совершали самоубийство. Они погибали, если проигрывали в бою, и выживали, если побеждали. Но в то время как свирепые парни вроде Дэйеру орали и нападали на врага, тоже новобранцы решали застрелиться, чтобы уменьшить свои страдания после того, как видели, как враг □□□□□□ их товарищей.

Битвы на Чёрном поле были жестокими, а ближний бой между товарищем и врагом был неистовым.

Когда Кан Чан увидел розовое нижнее бельё между бёдер Хео Ын-Силь, которая присела, он перевёл взгляд на поле.

Чего же на самом деле хотел хозяин его тела или человек, который дал ему новую жизнь? Хотели ли они, чтобы он покончил с издевательствами, как говорил Дэйеру? Неужели они послали в это место человека, который погиб в Африке за тысячи миль именно из-за этого?

Внезапно Кан Чану отчаянно захотелось покурить.

"Ты действительно сделаешь то, что я тебе прикажу?" — спросил он.

Глаза Хео Ын-Силь засияли, она уставилась на Кан Чана и встала на ноги.

"Ты сейчас хочешь?"

Хео Ын-Силь не знала, что ответить. Она задрала юбку, открыв розовое нижнее бельё.

Кан Чан поднял руку, как будто собирался ударить её. "Не будь душой и принеси мне сигарету".

Хео Ын-Силь пусто смотрела на Кан Чана, с задержанной юбкой.

"Ты что, не собираешься принести мне сигарету?"

"Конечно! У моих девочек есть. Я сейчас же принесу тебе".

Она опустила юбку и убежала.

"Чёрт возьми, во что я вляпался".

Когда он посмотрел на небо, ему на ум вдруг пришло лицо Ю Хе-Сук. Он вспомнил, что она говорила в гостинной, пока плакала, и выражение её лица, когда она смотрела на него, стараясь изо всех сил ходить вокруг него на цыпочках.

Грохот.

Шум.

Возможно, потому что юбка была слишком тесной, Хео Ын-Силь упала, когда она в спешке поднималась на крышу.

Вот так бардак.

"Вот, оппа".

Несмотря на то что она содрала себе колени и ладони, и они кровоточили, Хео Ын-Силь достала сигарету с радостным лицом и щёлкнула зажигалкой. Она делала это не первый и не второй раз — она очень хорошо умела это делать.

Щёлк, щёлк.

"Хмм".

Что это за школа такая? Здесь ему было также тяжело, как в Африке.

Хео Ын-Силь смотрела на него сверкающими глазами, пока он курил.

"Вы курите, да?"

Хео Ын-Силь кивнула.

"Дай мне ещё одну и выкурите тоже, если хотите".

"Правда? Спасибо, оппа".

Хео Ын-Силь взяла сигарету в рот и легко выдохнула дым.

"Куда мне пойти?"

"А? Хихи". Хео Ын-Силь поспешно выдохнула дым. "Если скажете, что встретите их, они скажут мне, где".

"Перестань называть меня "оппа"".

У него мурашки бежали по коже.

"Тогда как мне вас называть?"

"Просто называй меня по имени. Не называй меня "оппа". Это противно".

Хео Ын-Силь замялась, но это его не волновало.

"Я занят всю следующую неделю. Могу ли я встретить их в понедельник?"

Лицо Хео Ын-Силь сразу помрачнело. И правда, с чего бы этим ублюдкам его слушать?

"Оппа... нет, я имею в виду Чан... Может, если ты позвонишь им, они согласятся".

Это было громоздко.

Как только Кан Чан кивнул, Хео Ын-Сил снова спешно убежала. На этот раз она вернулась на крышу, не упав и с телефоном в руке. Она набрала номер, выглядя очень нервной. Через мгновение она заговорила, её голос дрожал.

— Алло? Опа? Это я. Кан Чан сказал, что он сегодня занят...

Собеседник на другом конце провода начал ругаться.

Кан Чан выхватил у неё телефон и поднёс к уху.

— Ты сумасшедшая сука, хочешь сдохнуть?...

— Я Кан Чан.

В разговор воцарилась внезапная тишина.

— Я занят, так что увидимся в понедельник. Дай мне место встречи.

— Тогда тебе лучше появиться в понедельник. Не появишься — со студентами будет очень плохо.

Неожиданно для Кана Чана собеседник заговорил гораздо более вежливо, чем тот ожидал, хотя и невнятно, как и все бандиты.

— Прекращай болтать и просто скажи мне, куда идти.

— Я скажу этой шлюшке Ын-Сил в понедельник. Она даст тебе знать. □□□□□□□□.□□□

Когда Кан Чан взглянул на неё, Хео Ын-Сил сглотнула.

О боже, эта бедная девочка.

— Ладно. И у меня есть просьба.

Снова наступила тишина.

— С сегодняшнего дня Ын-Сил будет со мной. Пиши ей сообщение с местом встречи, а не звони ей. Это портит мне настроение.

Собеседник на другом конце провода расхохотался.

— Хорошо. Передай телефон Ын-Сил.

Кан Чан вернул ей телефон.

— Да, опа. Да. Да. Я обязательно позабочусь об этом. Да, опа. Нет, правда, это Кан Чан. Да, скоро поговорим, опа.

Это было сплошное враньё.

Повесив трубку, Хео Ын-Сил будто расслабилась.

— Спасибо.

Возможно, потому, что она больше не была такая напряжённая, как раньше, она споткнулась. Естественно, Кан Чан её не поймал.

— Дай мне свой номер.

Хео Ын-Сил сделала, как ей приказали.

— Вот. Если хочешь, чтобы я что-то сделала, позвони мне.

Если бы бабник Смитэн был ещё жив, они бы составили великолепную пару.

— Перестань болтать всякую ерунду и в понедельник не окрашивайся в школу. Это касается и тебя, и этих недалёких девиц.

На лице Хео Ын-Сил отразилась смесь эмоций. Отдав этот приказ, Кан Чан покинул крышу и спустился вниз.

Они что, трансгендеры?

Трое никчёмных прихвостней вздрогнули и отступили.

Сам Кан Чан не знал, чего он добивается, поступая так.

1. В корейских школах обычно проводится две классных: одна утром перед началом занятий, а другая — после окончания занятий.

<http://tl.rulate.ru/book/100442/3922478>